

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Замок Броуди

Звезды смотрят вниз

Ключи Царства

Цитадель

Памятник крестоносцу

Песенка в шесть пенсов

Три любви

Арчибальд
Кронин

ТРИ ЛЮБВИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 83

A. J. Cronin
THREE LOVES
Copyright © A. J. Cronin, 1932
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Иванченко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13952-7

© И. В. Иванченко, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Она переделалась к ужину и подошла к окну спальни. Нет, Фрэнка все еще не было видно. Стоя за длинной кружевной шторой, Люси рассеянно следила за белой лентой дороги, протянувшейся почти на милю от лимана до города.

Дорога была пуста, если не считать старика Боуи с его дворняжкой. Первый грел старые ревматические косточки, сидя на низкой ограде близ своей маленькой лодочной мастерской; вторая, вылизав лапы и положив на них голову, дремала на горячем тротуаре. Ибо в тот августовский день щедрое солнце заливало окрестности Ардфиллана, рассыпая слепящие блики по воде залива и превращая крыши и высокие трубы Порт-Дорана на дальнем берегу в таинственный сияющий град. В великолепии солнечного света блестела прежде неприметная дорога, и опрятные дома вдоль нее, утратив обычную четкость линий, будто плыли в ослепительно-золотом потоке.

Люси был хорошо знаком этот вид: сверкающая вода, словно заключенная в объятия изогнутого дугой побережья, лес на мысе Ардмор, затененный голубоватой дымкой, расселины западных гор, величественно вздымающихся на фоне бледного полога небес. Но сегодня этот преображенный пейзаж был отмечен неуловимой прелестью, радующей сердце. В эту пору, несмотря на жару, ощущались первые приметы осени: шелест одинокого листа, своевольно слетевшего на тропинку, залежи морских водорослей на берегу, еле слышные крики грачей вдали от моря. Как она любила все это! Осень! У Люси вырвался счастливый вздох.

Она заслонила глаза ладонью от слепящего света, ее взгляд скользнул вдоль дороги к лодочной мастерской Боуи, где виднелась фигурка сына. Он играл на борту «Орла», небольшого катера, пришвартованного к спуску из серого камня. Мальчик то ли помогал, то ли мешал Дейву, работавшему на палубе. Скорее, мешал, сурово решила Люси, несмотря на переполнявшую ее материнскую любовь.

Чуть улыбнувшись, она повернулась и замерла перед дубовым платяным шкафом, рассматривая себя в зеркале с той серьезностью, с какой любая женщина почти с самого рождения оценивает свое отражение.

Она была невысокой — брат Ричард снисходительно называл ее малявкой, — но очень изящной, и муслиновое платье выгодно подчеркивало девичью грацию ее фигуры. Люси казалась на удивление неискушенной и выглядела очень молодо: скорее на шестнадцать, чем на двадцать шесть, как однажды, изменив своей обычной сдержанности, заметил Фрэнк. Маленькое, открытое, живое лицо Люси дышало выразительностью и темпераментом. Свежая кожа, которой слегка коснулось теплое дыхание солнечного лета, придавала ей цветущий вид. Широко поставленные глаза были голубыми, точнее, серо-голубыми, с темными лучиками вокруг зрачка, в которых словно заблудились искорки света, и от этого ее взгляд казался необычайно искренним и открытым. Приподнятые уголки губ, плавная, мягкая линия подбородка и высокой шеи — весь ее облик излучал теплоту, живость, непосредственность.

Она подняла руку к темно-каштановым волосам и на миг задержала взгляд на своем отражении. Затем сложила и убрала в нижний ящик шкафа простое повседневное платье из хлопка и, окинув комнату беглым взглядом — все ли в порядке? — отметив сверкающий линолеум, аккуратную салфетку на спинке кресла-качалки, безупречную гладь белого покрывала на кровати, удовлетворенно кивнула, повернулась и пошла вниз.

Сегодня Люси слегка припозднилась — по пятницам она занималась выпечкой, — но свежий аромат безукоризненно

навощенных полов, смешанный запах воска, мыла и скипидара приятно щекотал ноздри домовитой хозяйки, оправдывая ее неспешность при переодевании.

Люси гордилась безупречностью своего жилища и имела на то полное право. Небольшой особняк, удачно расположенный близ Ардфиллана, вполне можно было учтиво назвать виллой. Люси действительно любила свой дом, и ей нравилось, когда он сверкал! Вот и сейчас, войдя в кухню, она повернулась к открытой двери в буфетную и требовательно произнесла:

— Уже закончила, Нетта?

— Одну минуточку, миссис Мур, — процедила та сквозь зубы.

Служанка Нетта, держа во рту шпильки, поспешно завершила свой туалет перед маленьким прямоугольным зеркалом, висевшим над паровым котлом из меди.

— Мистер Мур будет дома с минуты на минуту, — задумчиво сказала Люси. — Я слышала, как подходит поезд. На твоём месте я бы поставила варить яйца пашот. Четыре.

— Да, миссис Мур, — последовал ответ. В тоне сквозила снисходительность.

— И будь внимательна, когда будешь готовить яйца. Немного уксуса в воду — чтобы они не растеклись. Не забудь.

— Не забуду, миссис Мур.

Губы, которым больше ничто не мешало, выразили несогласие с возможностью подобного упущения, и в следующее мгновение сама Нетта подтвердила свое заявление, эффектно возникнув в дверях буфетной.

Это была стройная семнадцатилетняя девушка, старательная, обидчивая, немногословная, дружелюбная, впрочем, ее дружелюбие выдавало независимость характера. У Нетты было врожденное чувство собственного достоинства, и оно служило ей крепкой опорой. Нетта не отлынивала от работы, однако не собиралась никому угождать. Ничто не заставило бы ее произнести слова «сэр» или «мадам». Вместо этого она, заведомо беспристрастная по отношению к своим нанимателям, обращалась к ним в вежливой, лишенной раболепия

форме: «Мистер и миссис Мур». Порой в ее ребяческой манере проскальзывала нотка высокомерия, как будто, принимая превосходство Муров как догму, она противопоставляла этому свое достоинство и ортодоксальную добродетель.

Сейчас, однако, Нетта улыбнулась и объяснила:

— Я стала дольше причесываться, потому что убираю волосы наверх.

«Ты дольше причесываешься, — подумала Люси, — потому что на тебя стал посматривать Дейв Боуи».

Вслух Люси сказала:

— Мило. Дейву так нравится?

В ответ Нетта встряхнула высокой прической — о, сколько девичьего кокетства было в этом порывистом движении, какие нежные грезы выражало оно! — и резким жестом разбила яйцо о край кастрюли.

— Гм! — Не находя слов, она наклонилась к бутылке с уксусом и мучительно покраснела.

С минуту понаблюдав за действиями девушки, Люси спрятавала улыбку, неожиданно осознав собственное счастье, испытывая нелепое удовлетворение, смешанное с приятным чувством успеха, спокойствия и комфорта, которое она ощутила после переодевания, и с уверенностью, что она честно заработала свой нынешний досуг. Ей всегда нравился этот момент возвращения Фрэнка из города, не утрачивающий новизны от повторения. Она переделалась, подготовилась к встрече, работа сделана, безупречный дом ожидает его. Это неизменно заставляло ее немного волноваться в предвкушении. Повернувшись, Люси прошла через узкую прихожую, открыла входную дверь, медленно двинулась по посыпанной галькой дорожке. На маленькой прямоугольной лужайке радовали глаз цветущие кальцеоларии, лобелии и герани — общепризнанное сочетание цветов, последнее слово в садоводстве в год Бриллиантового юбилея¹. Люси осторожно выдернула нахальный сорняк, мешавший самой пышной из гераней, и отбросила в сторону. Потом подошла к воротам и распахнула их.

¹ *Бриллиантовый юбилей* — 60-летие правления королевы Виктории, отмечавшееся в 1897 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

На дороге произошло какое-то движение, послышался топот быстрых детских ног, и, подняв глаза, Люси увидела бегущего навстречу ей сына. Бок о бок с ним весело подскакивала его тень.

— Мама! — крикнул он, словно хотел сообщить великую новость. — Я работал с Дейвом на «Орле».

— Не может быть! — с наигранным недоверием воскликнула она.

— Да, — подтвердил он с энтузиазмом восьмилетнего человека, — и он разрешил мне сращивать канаты.

— Боже мой! Что же дальше? — пробормотала она, размышляя о веснушках у него на носу.

Нос был откровенно курносый, а веснушки... Это просто пигментные пятнышки. «Есть другие носы и другие веснушки, — говорила она себе, — но сочетание этого носа с этими веснушками просто неотразимо! Мальчик крепко сложен для своего возраста, — часто думала она, — у него каштановые волосы и блестящие карие глаза, как у отца. А другие мальчики? Наверняка у них есть свои достоинства, но... но не такие, как у Питера!»

— Можно мне пойти поиграть в шарики? — простодушно спросил он.

— В шарики? — переспросила она, теперь уже с искренним недоверием. — Где ты взял шарики?

Он улыбнулся ей, показывая прорехи между растущими зубами, и его улыбка вызвала у нее восторг. Потом он опустил ресницы, показавшиеся ей очень темными на фоне свежих щек.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, ударяя носком ботинка по стене, — они как раз начали играть сегодня, и я попросил два шарика у одного мальчика. Потом я сыграл с ним и выиграл — и, понимаешь, я расплатился. Видишь, как все получилось, мама?

— О-о, понимаю, — ответила она, стараясь не улыбаться.

Он заложил руки за спину, выпятил живот и слегка расставил ноги, чтобы было удобнее смотреть на мать снизу вверх.

— Это ведь справедливо, правда? — искоса поглядывая на нее, спрашивал он. — Вот как это делается, — по крайней мере,

я сделал так. Я получил пятнадцать за мой кувшин. — (Недавно он выпросил у нее кувшин с металлической крышкой, в который со скаредностью скупца складывал все свои мелкие сокровища.) — И если ты разрешишь мне играть, я смогу выиграть еще.

— Посмотрим, — ровным тоном произнесла она, не желая огорчать его отказом. — В любом случае мы сначала выпьем чая. Твой отец вот-вот будет дома.

— А-а! — протянул мальчик, потом, не сдержавшись, произнес: — Интересно, привезет ли он мне что-нибудь? Знаешь, а ведь мог бы!

— Как бы то ни было, беги домой и вымой руки. — Чтобы сын не забывал, что она может быть строгой для его же блага, Люси добавила: — Это просто какой-то кошмар!

— Ну, понимаешь, — объяснил он, разглядывая свои темные костяшки и грязь на вспотевших ладонях, — ведь я работал на «Орле». А этот сплесень¹ — фью! — Питер умолк, зашвырнул, повернулся и зашагал по дорожке.

Люси смотрела на сына, пока он не дошел до дверей, а потом ее взгляд снова обратился к дороге, ведущей в город. Муж не заставил себя долго ждать, и в следующую минуту она увидела, как он с беспечным видом приближается к дому своей неторопливой походкой. Да, он никогда не спешит! Люси с нескрываемым обожанием прищелкнула языком. Шестое чувство подсказывало ей, что она не ошиблась в своем выборе.

«Да, правда, мы очень подходим друг другу, — размышляла она. — К тому же я научилась влиять на Фрэнка». Думая об их счастливой и успешной жизни, она унеслась мыслями на много лет назад... Эта встреча была уготована им судьбой. Как же называлось то место? Да, пансион «Кайл», которым владели сестры Рой. Никогда не забудет она это название, как и мисс Сару Рой, сестру-управляющую, которая не готовила еду, а только восседала во главе «либерального стола», внимательно присматриваясь к постояльцам. Это было выраже-

¹ *Сплесень* — способ сращивания канатов.

ние мисс Сары из объявления в газете «Католик трампитер», выходявшей «под патронажем духовенства и лучшей части мирян».

Да, «Кайл» отличался безукоризненным благородством, а иначе Ричард с Евой никогда там не остановились бы. Ричард всегда был педантичным, требовательным к каждой мелочи — даже в первые годы своего брака, когда еще не сделал карьеры в юриспруденции. Кроме того, ему хотелось, чтобы у его жены Евы было все как положено. Разумеется, о Люси он так не беспокоился, да и вообще не церемонился с ней — удивительный знак братской опеки. Или все хлопоты были ради малыша Чарли? После родов Ева так ослабела!

Брат с сестрой никогда особо не ладили — поразительная несовместимость или сходство характеров? — правда, оставаясь вдвоем, им приходилось уживаться друг с другом. А уж когда на Люси стал обращать внимание молодой Мур...

Вспоминая, она улыбнулась: Фрэнк во время своего двухнедельного отпуска, чувствуя себя не в своей тарелке, пренебрегал или не понимал всех тонкостей, принятых за совместной трапезой. И этот человек — «приверженец масла и яиц», по выражению Ричарда, — «подкатывался» к ней!

Нелепо познакомиться с будущим мужем в пансионе — и не где-нибудь, а в Ардбеге! Не заслуживающее большого внимания, а вернее, ничем не примечательное место. Их с Фрэнком непреодолимо влекло друг к другу, пожалуй, из-за несхожести их натур, и невозможно было спастись от этого. Как они были переполнены чувствами в тот прелестный тихий день — такой как сегодня! Люси ощущала на влажных ладонях сухие иглы лиственниц Крэйгморского леса, а сочащиеся смолой сосны источали тяжелый пьянящий аромат. Внизу сиял полумесяц залива, вокруг в папоротниках жужжали насекомые, а в душе расцветало нежданное жгучее счастье. Все было совсем не так, как за общим столом, молодой Мур!

Однако Ричард держался сурово, неприязненно, продолжая высмеивать ее общение с мелким коммивояжером. И хотя Мур исповедовал их веру — не слишком ревностно, надо заметить, — Ричарду он не нравился. Да он же никто, говорил

брат, отпрыск ирландских родителей, эмигрировавших из-за картофельного голода. Они крестьяне, подозревал брат, бедняки, сбежавшие из-за двух недородов картофеля, когда голодающим людям бросали репу, а трупы, лежащие по обочинам дорог, штабелями складывали в повозки. Они прибыли в Шотландию, эти ирландцы, чтобы произвести обильное потомство смешанных кровей, пополняющее в основном ряды землекопов и чернорабочих или в лучшем случае букмекеров и трактирщиков — никчемный, неотесанный народ.

Непривлекательная картина для Ричарда, гордого своим шотландским происхождением и добрым родом Мюррей, который позже, по прихоти Евы, соединил свою родословную с якобитской линией.

Что ж, исход был простым, развязка — скорой. Они с Ричардом не сошлись в этом, как и в большинстве вопросов. Как будто Люси и впрямь позволила бы кому-нибудь повлиять на свой выбор. Они просто ушли с Фрэнком в тот день, девять лет назад.

Вот почему сейчас она ждет у ворот, испытывая всю полноту счастья, твердо и без стыда осознавая свою любовь к мужу.

Он подошел ближе. Она помахала ему рукой — без сомнения, сдержанно, но все же помахала. Подобный жест выходил за рамки приличия. В тот год, когда красный флаг все еще с опаской перемещался по общественным дорогам, порядочные жены не приветствовали своих партнеров по браку таким образом. Махать рукой считалось чем-то фривольным! И Фрэнк тоже, подняв в ответ руку, подтверждал несомненный факт дурного поведения.

— Привет! — окликнула она его с улыбкой, хотя он был еще довольно далеко.

— Привет тебе!

Это был высокий, нескладный, небрежно одетый мужчина лет тридцати; он двигался мягко, неспешно, слегка сутулясь. У него были светло-каштановые волосы, румяное лицо, глаза прозрачного орехового оттенка, зубы, поражающие своей белизной. Скучающий вид, расслабленность походки, равнодушный взгляд в сочетании со странной сдержанностью — все

это вкупе делало его особенным, интересным, во всяком случае не таким, как все, словно он лениво оценивал вселенную, находя ее достойной лишь недоверчивой иронии.

— Ты поздно, — оживленно произнесла Люси, с удовлетворением отмечая, что он не хмурит брови, как это часто бывало. — Я подумала, ты пропустил поезд в половине пятого.

— Мур ничего не пропускает, — дружелюбно откликнулся он, — за исключением молитв. Доверяй ему, Ф. Дж. Муру!

— Ты не забыл про мои салфеточки? — спросила она, когда они вместе пошли по дорожке.

Это был не пустячный вопрос. Он искоса взглянул на нее и медленно потер щеку ладонью. Его уверенность поубавилась.

— Как это плохо, Фрэнк, — упрекнула она его.

Так похоже на него — взять и забыть о ее просьбе. Ведь Фрэнк говорил, что будет сегодня проходить мимо «Гау». В семье Мур он был признан образцом торгового дома в Глазго. Если куплено в «Гау», значит это хорошо. Все на их вилле, начиная с маленького пианино и заканчивая дуршлагом, было в то или иное время приобретено за наличные деньги у практически всемогущего мистера Гау.

— Консервированные сардины, — медленно проговорил Фрэнк. — Могу принести тебе в следующую пятницу в качестве компенсации.

Ее губы дрогнули, и все же ей действительно хотелось получить эти салфетки, а он всю неделю забывал про них. Но в этом весь Фрэнк! Он мог забыть о чем угодно: о дне рождения, ее или Питера, даже о собственном. Не раз муж признавался в том, что не помнит этих важных дат.

— Подходит для вегетарианцев, — хмуро уверял он ее. — Поставляется во все братства. Их рекомендует мой дорогой брат Эдвард. Нет греха в консервной банке.

Покачав головой, она невольно рассмеялась:

— Значит, такой у тебя сегодня настрой?

Они вошли в небольшую столовую, расположенную между гостиной и кухней в анфиладе комнат на первом этаже дома, — ничего сложного не было в архитектуре виллы! —

и когда Питер по просьбе матери позвонил в колокольчик, все трое уселись за чайный стол.

— И что же сегодня происходило? — спросил Мур, после того как в комнату, подобно ветру, ворвалась Нетта и вскоре с независимым видом удалилась. — Сколько убийств насчитали с утра?

— Все как обычно, — спокойно ответила жена, передавая ему тост. — Не считая того, что твой сын теперь копит шарики.

Взгляд Мура ненадолго задержался на улыбающемся мальчишке.

— Настоящий Шейлок, — склонившись над яйцом пашот, пробормотал Фрэнк.

— А утром в городе я встретила мисс Хокинг, — продолжила Люси.

Он взглянул на нее поверх края своей чашки — за столом он обычно сидел ссутулившись — и с мягкой иронией воскликнул:

— Пинки, дорогая! И что же она сказала в свою защиту?

Понимая его настроение, Люси уклончиво покачала головой, не устаивая его ответом.

— Смешное создание, — настаивал он. — Никак не могу узнать длину ее ступни. Ой, какие мы! — Жеманным голосом он произнес нараспев: — Скажите пожалуйста. Сдается мне, она тронулась умом. — Допив чай, он добавил с заметным акцентом: — Чем меньше мы с ними общаемся, тем скорее... Это место, которое мне нравится...

— Ты ведешь себя нелепо, Фрэнк, — как обычно, — спокойно возразила она.

В этот момент у входной двери энергично ударил дверной молоток, и Питер воскликнул:

— Почта!

Мать кивнула ему, и он, соскользнув со стула, побежал в прихожую. Вскоре Питер вернулся с письмом, ликующим голосом воскликнув:

— Это тебе, мама!

Люси взяла письмо и, сдвинув брови и слегка наклонив голову, принялась внимательно разглядывать прямоугольный конверт с адресом и нечетким почтовым штемпелем поверх красной марки. Потом аккуратно вскрыла конверт ножом.

— Так я и думала, — безмятежно заметила она.

Лицо Мура приняло слегка обиженное выражение. Он достал из кармана жилета зубочистку и, откинувшись на спинку стула, наблюдал, как жена медленно читает письмо.

— Полагаю, от Эдварда, — с сарказмом произнес он, не дожидаясь, пока она закончит чтение, и подумав об их самом постоянном корреспонденте. — Чем сейчас обеспокоен его преподобие? Состоянием наших душ или состоянием своей печени?

Но жена не отвечала, водя глазами по строчкам и беззвучно шевеля губами. Она его не слышала — Люси обычно была полностью поглощена чтением.

— Ну что, — упорствовал он, — мисс О'Риган опять куксится или что еще там такое?

Питер коротко хихикнул, потому что знал экономку дяди Эдварда и ему показалось смешным слово «куксится». Но письмо было не от Эдварда.

— Это от Анны, — наконец сказала Люси, положив листок и с довольным выражением поднимая глаза. — Она приедет к нам. В следующий четверг Джо привезет ее из Ливенфорда.

— Анна! — совершенно другим, унылым, голосом воскликнул Мур, отбросив письмо, которое бегло просматривал. — Анна приедет! Зачем... с какой стати ты ее пригласила?

В ответ Люси нахмурилась: ну что он говорит, к тому же при мальчике!

— Ты забываешь, что она твоя кузина! — напомнила она. — Надо соблюдать приличия и быть гостеприимными, поэтому я пригласила ее на неделю.

— Гостеприимство! Знаешь, много суеты по пустякам.

— Мой дорогой Фрэнк, — заспорила она с неопровержимой логикой, — а когда Анна и ее отец пригласили тебя погостить во время твоей поездки в Белфаст, это тоже была суета?

— Я ездил туда по делам, вот почему пришлось у них оставаться, — нервно ответил он. — Говорю тебе, не хочу, чтобы Анна мне докучала.

— Знаешь, Анна будет докучать *мне*, — ответила Люси, сохраняя спокойствие даже перед лицом его высочайшей глупости. — Не забывай, что я даже не знакома с Анной. И хочу узнать ее.

— Да пропади оно пропадом! — возмущенно крикнул он. — Не хочу ее видеть в своем доме и, коли на то пошло, не хочу видеть никого из этой компании. — Так Фрэнк отзывался о своих родственниках.

Она нахмурилась. Да, такова была одна из его особенностей — противоположное ее природному дружелюбию желание избегать людей, отгородиться даже от собственной родни. Это всегда раздражало Люси, и она вспыхнула, подчиняясь невольному порыву.

— Боже правый! Чем же нам может помешать Анна? — гневно произнесла она. — Ты всегда очерняешь своих друзей и даже собственных братьев. Насмехаешься над Эдвардом, потому что он священник, а Джо тебя не устраивает, потому что он трактирщик. А теперь вот Анна!

— Священник и трактирщик, — угрюмо отозвался он. — Чудная парочка. Что они сделали хорошего для меня или для кого-то другого? Повторяю тебе: я не хочу, чтобы Анна была здесь.

— Почему ты не хочешь, чтобы она приехала?

— Просто не хочу.

— Ты считаешь себя настолько безупречным, что можешь позволить себе подобное отношение?

— Тебе следовало бы знать. Ты же вышла за меня замуж! — обиженно возразил он.

Люси прикусила дрожащую от возмущения нижнюю губу, чувствуя, как сгущается атмосфера в маленькой, освещенной солнцем комнате лишь потому, что к ним в дверь постучал почтальон с письмом от кузины Фрэнка. В самом деле, что такого сделала она, Люси? Пригласила его кузину Анну Галтон провести с ними несколько дней. Разве это непростительное

преступление? Анна, родившаяся и выросшая в Ливенфорде, десять лет назад уехала в Ирландию с отцом, который, будучи партнером «Леннокс энд Галтон» — компании Фрэнка, — в то время обосновался в Белфасте, чтобы заняться экспортной частью бизнеса. Теперь старик Галтон умер, и Анна, вернувшись для улаживания с Ленноксом имущественных дел, решила навестить родственников, что было вполне естественно после долгих лет отсутствия. Она уже провела две недели у Джо в Ливенфорде, возможно, собиралась побывать у Эдварда в Порт-Доране. Почему бы ей не нанести визит в Ардфиллан? Это было соблюдением приличий. И даже более того, когда Фрэнку пять лет назад пришлось поехать в Белфаст, чтобы взять на себя заботу об агентстве по причине болезни старого Галтона, то был первый случай ангины, в конце концов погубившей старика, о Фрэнке в течение трех месяцев прекрасно заботилась его кузина. Для Люси большим облегчением было знать, что муж находится в надежном месте. Ведь зная, как легко можно ему что-то навязать, она переживала из-за влажных простыней, плохой еды, неудобных гостиниц — из-за всех тех бед, которые могли нагрязнуть оттого, что он не с ней. И вот теперь Фрэнк отказывает кузине в гостеприимстве, которое Люси хочет предложить взамен. Одна мысль об этом подхлестывала ее негодование, но она с усилием сжала губы, сдерживая гневные слова, готовые сорваться с языка.

На миг воцарилось молчание, потом Мур со слегка пристыженным видом медленно поднялся, достал из кармана неизменную зеленую пачку, зажег сигарету. Стоя на коврике из крашеной овчины, он прислонился плечом к мраморной каминной доске и вдохнул дым, смущенно поглядывая на жену краем глаза.

— Уже успели немного поцапаться, — наконец проронил он довольно застенчиво.

Это, по сути, было извинение. Она открыто улыбнулась, восстанавливая мир и обходя молчанием предмет ссоры, затем объявила:

— Я собираюсь кое-что сказать мистеру Ленноксу. Совсем скоро!

— Что ты имеешь в виду? — с удивлением спросил Фрэнк.

— Увидишь! — И она многозначительно кивнула. — Хочу на следующей неделе пригласить его на ужин.

Ничего не ответив, он стал смотреть, как она поднялась и начала убирать со стола, потом его взгляд медленно переместился на окно. Был отлив, и на твердом сухом песке играли дети. Английская лапта! К детям резво выбежал Питер, и в вечерней прохладе зазвучал его тонкий пронзительный голос. Мур лениво наблюдал — а что еще ему делать с сыном? Бывало, в детстве сам играл в лапту, а теперь... Забавно сложилась его судьба, но так уж вышло! И вот Анна приезжает... Мысль об этом была неприятна. Он не хочет, чтобы она появилась в их доме. Какой, однако, чудный вечер. Можно выйти и покосить траву. Потом он решил, что не станет. Может быть, завтра. «Завтра» для Мура было великим словом. Он развалился на стоящем у окна диване, набитом конским волосом, вытащил зеленую пачку. Закурил очередную сигарету, выпуская дым из ноздрей. Глядя на горящий кончик сигареты, заметил:

— Леннокс собирается проталкивать ту идею.

Люси прервала свое занятие, обдумывая его слова. Впрочем, для нее это не было новостью. Дело в том, что компания — та же, что восемь лет назад, но теперь Леннокс стал единственным управляющим и владельцем, — помимо импорта ирландской продукции, решила ввозить из Голландии новое синтетическое чудо под названием «маргарин». Гнусное слово! Сам продукт еще хуже! Однако Люси не собиралась мешать его выпуску и печалиться о вреде нового заменителя масла. Довольно того, что прогресс позволит Ленноксу расширить его маленькое дело. Она приветствовала расширение, поскольку питала честолюбивые надежды в отношении Фрэнка. Пришло время и ему достичь успеха, и она будет этому всемерно способствовать.

Люси не всегда могла определить нынешний статус мужа — возможно, потому, что не придавала этому значения. Достаточно было сказать, что Фрэнк работает в «Леннокс энд Галтон» и при этом имеет вполне приличное жалованье. При-

ятное сочетание ответственности и значимости. И все же, вопреки ее лояльному эвфемизму, его пост можно было беспристрастно обозначить как «мелкий коммивояжер». И это было неправильно. Это было несправедливо! Она хотела для мужа чего-то лучшего, чего-то более весомого. Она горячо желала ему «преуспеть» и в своем пылком воображении выстроила для него путь к успеху. Люси уже успела поговорить о своем проекте с Фрэнком, но понимала, что тот избегает обсуждения этой темы под предлогом обдумывания. «Разумеется, я займусь этим», — слышала она его ответ, или он обещал, казалось, с неподдельной искренностью: «Завтра потолкую с Л.». Но Фрэнк и пальцем не пошевелил, более того, она была уверена, ни о чем не намекал Ленноксу, несмотря на частые уверения, что они со стариком на короткой ноге. В этом был весь Фрэнк. Как часто она сердилась на мужа за его нерешительность! Но сейчас, задумчиво глядя на него, она сказала:

— Вероятно, это поможет нашему продвижению, Фрэнк. Не то чтобы я много думала об этом... — она попыталась скрыть свой энтузиазм под иронией, — об этой имитации масла. Уж в своем-то доме я такого не допущу.

— Правда, идея весьма умная — и недорого обойдется. — Он не мог привести более отчетливых аргументов в ее пользу. — Да и Леннокс довольно ловок. Полагаю, я смогу продавать это для него. — Фрэнк зевнул. — Хотелось бы умереть богатым, если меня прежде не вздернут. А ведь может получиться и то и другое. Последняя речь миллионера на скамье подсудимых: «Дорогие, возлюбленные собратья, я невинный человек. Единственное мое прегрешение в том, что я сорвал с себя овященные наплечники».

Он погрузился в молчание, глядя в окно на побережье. Туда отправилась Нетта, чтобы привести Питера домой и уложить спать. Происходил последний акт ежевечерней пантомимы: Нетта в сердцах загоняла неслуха в ворота.

По галечной дорожке дробно застучали маленькие ноги. Люси вышла из комнаты, унося нагруженный посудой поднос. Мур сидел не шевелясь. Он пожелал спокойной ночи сыну, вбежавшему с возбужденным потным лицом, потом стал

ждать. Казалось, он всегда ждет чего-то — немного нервно, немного мрачно, словно в предчувствии какого-то несчастья, которое однажды его настигнет. Эта склонность Фрэнка иногда заставляла жену недоуменно качать головой. Ей, женщине подвижной и деятельной, было чуждо его мироощущение. Часто Люси хотелось, чтобы он не был таким вялым, таким безразличным к мелочам, из которых состоит жизнь. В самом деле, не приходилось сомневаться в том, что лень родилась раньше слабохарактерного Мура, вдобавок у него часто менялось настроение, он на многие вещи смотрел скептически, — словом, Мур был чудачком, но чудачком, не лишенным талантов. Например, он мог очистить кожуру с яблока одной длинной лентой не толще облатки, вырезал прекрасные свистульки из ивовых веток, находил на побережье Ардмора мидии и жарил их, на зависть какому-нибудь отшельнику. Фрэнк виртуозно управлялся с зубочисткой, гоня перышко во рту с видом человека, созерцающего саму вечность. А временами он совершенно неподражаемо шутил. Когда люди, как это часто бывало, высказывались на счет его великолепных зубов, он серьезно говорил: «Это потому, что в юности я чистил их репой». Или опять же, кто, кроме Мура, в компании жены, одетой в лучшее воскресное платье, мог остановиться неподалеку от собственного особняка и без тени юмора спросить у старого Боуи дорогу к себе домой?

— Извините, мистер Боуи, — почтительно, без улыбки обратился к старику Мур, — не покажете ли, где живет мистер Мур?

Когда ошеломленный Боуи, семидесятилетний старик аполлексического сложения, поднял трясущийся указательный палец, Мур с той же невозмутимой серьезностью кивнул:

— Благодарю, мистер Боуи. Не примете ли вот это? — И, вытащив из кармана коробок, одарил пораженного старца одной-единственной спичкой, а затем, гордо неся голову, зашагал прочь, насвистывая мотив «Boyne Water».

Люси ужасно тогда рассердилась. Тем не менее таков был Мур.

Однако он редко бывал столь веселым. Порой на него находили пугающие приступы меланхолии, когда он, скорчившись и не шевелясь, со страдальческим видом сидел у камина, выпятив нижнюю губу и вперив неподвижный взор в пляшущие языки пламени.

Более того, он почти не обладал даром завязывать дружбу, а если и выбирал себе друзей, то из очень странного круга. Среди них был ловец кроликов в Гилстонском лесу, дорожный мастер, который дробил камни для дороги на мыс, тот самый старик Боуи, которого Мур называл Старым Мореходом¹ и часто пугал тем, что научит его вязать на спицах, хотя ничего не смыслил в вязании. Но опять же, таков был Мур. Ф. Дж. Мур — лентяй, мечтатель, создатель ивовых свистулек, над которым, казалось, всегда довлело это не поддающееся определению меланхолическое предчувствие несчастья, предчувствие, которое частенько заставляло его мрачно говорить: «Меня ждет плохой конец. Если из меня не сделают лорда, то повесят. Точно».

Но сейчас он уютно устроился на диване, а вскоре в комнату вернулась Люси. Она живо достала свое рукоделие — черный атласный чехол на подушку, на котором вышивала цветы и бантики, — и с довольным видом уселась рядом с мужем.

— Ну, — весело начала она, — что там, в газете? Можешь, по крайней мере, рассказать своей бедной жене, какие сегодня новости.

Он с равнодушным видом взял вечернюю газету, бегло просматривая новостной раздел. Листы непрерывно шуршали, когда он переворачивал их взад-вперед, выискивая что-нибудь более или менее важное. В конце концов Мур прочитал какую-то заметку, высказывая комментарии, неизменно мудро-скептические. «Можешь верить, если хочешь, — казалось, говорил он, или: — Ты же знаешь, о чем пишут в газетах», но всегда охотно выслушивал мнение жены. Более того, по ее просьбе он прочел вслух короткую статью о современной

¹ *Старый Мореход* — персонаж поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе».

женской моде — Люси интересовалась одеждой, может быть чрезмерно, как иногда заявлял Мур, — и она внимательно слушала, пару раз оторвавшись от работы и одобрительно кивнув.

Наконец газета исчерпала себя, и Мур бросил мятые листы на пол.

— Возьми книгу, — через некоторое время предложила жена, откусывая шелковую нить и вдвывая ее в иглу.

Но у него не было особого вкуса к книгам, он любил иногда полистать еженедельную газету. Он также почитывал «Фото битс»¹, и не потому, что это его сильно интересовало — просто оттуда можно было почерпнуть какую-нибудь остроуту для клиента. Странные времена! Однако, после того как однажды Питер прибежал к Люси с номером журнала, спрашивая про «леди с толстыми ногами», мать семейства заняла в отношении этого журнала твердую позицию.

Итак, Мур заложил руки за голову и откинулся на гладкую спинку дивана.

— Проще ничего не делать, — ответил он. — Немного посидим в тишине.

Он сидел, глядя на нее, сумерки постепенно обволакивали их, и в сгущающейся темноте его лицо медленно разгоралось жаром от сознания ее близости. Наконец она негромко вскрикнула.

— Я ничего не вижу, — сказала она, и ее пленительная улыбка озарила сумрачную комнату. — Придется зажечь лампу.

— Зачем, — многозначительно произнес он, — нам понадобится лампа?

— Чтобы шить, конечно.

— Ах! Ты уже достаточно шила сегодня.

Фрэнк протянул руку, чтобы удержать жену, и обнял ее за плечи, притягивая ближе. Богато вышитый чехол от подушки соскользнул с коленей Люси, но никто не заметил этого.

¹ «*Фото битс*» — еженедельный эротический журнал, издававшийся в Англии с 1898 по 1914 г.

Покорная и довольная, она прилегла на диван. Да, она была довольна и не скрывала своего счастья, со сдержанной уверенностью глядя в будущее. И она — ах! — да, она обожала Фрэнка! Они лежали так несколько мгновений, пока в комнате не погасли последние отсветы сумерек. И тогда Люси почувствовала, как его пальцы забираются под лиф платья, лаская ее. Это был знак — их маленький знак. Ее теплую грудь всколыхнул легкий вздох, и Люси, прижимаясь к мужу, вновь улыбнулась, никем не видимая. Ей был знаком этот маневр! Как это похоже на Фрэнка — неожиданно, как стихия, подступиться к ней. И она игриво прошептала, дыша ему в лицо:

— Знаешь, когда к нам придет Анна, тебе придется вести себя прилично!

Он как будто собрался что-то сказать, но передумал. А потом и вовсе лишился шанса ответить, поскольку она вдруг прижалась теплыми губами к его щеке.

— Я люблю тебя, Фрэнк, — прошептала она. — Ты ведь знаешь.

ГЛАВА 2

В следующий четверг вечером, в половине шестого, к дому с помпой подъехала линейка, которой правил Джо из Ливенфорда и в которой сидели: сам Джозеф, его сестра Полли и Анна со своим багажом. С помпой — потому что сидящий на козлах Джо имел важный, величественный, внушительный вид. Теперь же, когда его необъятная фигура, колыхаясь, спустилась и утвердилась на земле, он старался приободрить усталую клячу, слегка похлопывая ее по дымящемуся боку и одобрительно прищелкивая языком. Его обращение с лошастью было почти профессиональным. Действительно, он был профессионалом во всем, не было такого, чего Большой Джо не знал бы! Удивительная осведомленность для человека, который ничего не читал, с трудом ставил свою подпись и с вежливым презрением неправильно употреблял королевский

английский. По его собственному выражению, все у него «выходило легко», и удивляться тут нечему, ведь он — снова его слова — такой «славный малый»! Да, Джо торговал спиртным, был трактирщиком и даже кем-то вроде букмекера. Но что с того? Было известно, что он из лучших побуждений защищал своих клиентов от их собственных порочных склонностей, весьма разумно смешивая свой товар с чистой шотландской водой. А что касается «лошадок» — что ж, в его приверженности к скачкам было определенное благородство, и в тот момент делалось очевидным, как сильно Джо любит конские стати. И вот, заправив большой палец за пройму жилета и откинув голову, он приветливо обратился к своим спутникам:

— Эй, там, наверху! Спускайтесь. И оставьте чемодан. Фрэнки возьмет его. Преподобная Бригитта! От этой пыли вся глотка пересохла.

Потом он двинулся по дорожке с самодовольным видом, как бы говоря: пусть всякий, отрицающий право ирландца вторгнуться в Шотландию и завоевать ее, взглянет на фигуру Джозефа Мура и призадумается.

Крупный — скорее не высокий, а дородный, с той благородной полнотелостью, какая подобает хорошему хозяину трактира, — он обладал добродушием, свойственным большим людям. Его маленькие черные глазки-смородинки, глубоко посаженные на лоснящемся от жира, гладком бледном лице, лучились благожелательностью и добротой. Из уютных широких ноздрей торчали пучочки волос. Из-под широкой верхней губы показывались крепкие ровные желтоватые зубы. На круглой, коротко остриженной голове, сужающейся кверху, с небрежным шиком сидел котелок. На Джо был щегольски распахнутый пыльник желто-коричневого цвета, на ногах — сапоги красивого охристого оттенка, подходящего к синему тону костюма. В целом создавался величественный образ мужчины, немолодого летами — ему было пятьдесят, — но вечно молодого духом. Отчасти этот дух проистекал из его неизбывного добродушия, но имели место также многочисленные исторические эпизоды, более полно раскрывающие способности Джо и присущий ему размах. Например, тот слу-

чай, когда он любезно выставил бутылку имбирного эля одному подвыпившему клепальщику, который перед тем опрометчиво клялся, что возьмет да и раскошелится на шампанское. И другой случай, когда он, купив якобы поющего попугая, обнаружил, что птица не поет, и немедленно заказал из нее чучело. И еще тот раз, когда его пригласили на церковный банкет и он голодал два долгих дня — поразительное самоограничение! — чтобы в полной мере воздать должное пышной трапезе.

Таков был неподражаемый Джо, за которым по дорожке следовала его сестра Полли, двумя годами моложе брата. Шла она чуть вразвалку, что объяснялось ее тучностью и очевидной весомостью ее юбок. Она была ниже Джо, но толще, и казалось, ее чересчур пышная фигура проседала на каждом шагу, отчего рост казался еще меньше. Двойной подбородок, полное красное лицо, тяжелые груди — вдвойне непристойно! — отвислый живот, дряблые складки на лодыжках, нависающие над полурасстегнутыми ботинками, создавали впечатление, что сила тяжести постоянно стремится притянуть Полли к земле. Кричащие тона дорогого платья резали глаза, но, вероятно, эта расцветка нравилась Полли. По крайней мере, оно «стоило немалых денег». Поверх всего на ней была свободная меховая накидка, не по сезону — «для поездки, знаете», — и вот теперь бедная женщина с трудом дышала.

Поднявшись на крыльцо, Полли переводила дух, пока Джо возвещал об их прибытии, непрерывно дергая за шумный колокольчик. Так приятен сердцу был вид этой пары, преисполненной любви к жизни. Когда Нетта распахнула дверь, Джо взял Полли за руку, галантно воскликнув:

— Войди же в дом! Ну что ты встала, как свинья, заведывая мясника?

— Не могу же я пройти сквозь тебя! — ответила на его шутку Полли с грубоватой прямоот добросовестного комика.

Ясно было, что она любит Джо и к ее сестринской любви примешивается восхищение. Уже пять лет она вела хозяйство в доме брата и все эти годы изливала на него безмерное, подобострастное обожание.

Игриво толкнув ее, чтобы не обижалась, он с чувством прокричал:

— Анна! Иди сюда, девонька! Где ты там застряла? — В ту же секунду Джо оказался в прихожей, с волнением сжимая руку Люси — он всегда очень суетился при их редких встречах, — шутливо боксируя с Питером и громко восклицая: — Фрэнки! Ну-ка, посмотрим на тебя, дружок Фрэнки!

Он был отличным парнем, этот Большой Джо Мур, так и говорил про себя: «Ей-богу, отличный парень, и все такое».

— Фрэнки спустится через минуту, — быстро сказала Люси. Она с трудом уговорила мужа подняться наверх, чтобы побриться и переодеться, и сама только что сбросила капот, ей было жарко после работы на кухне. — Очень рада вас видеть, — искренне произнесла она. — Но Анна... Где же Анна? — Она выглянула из-за плеча Джо, в ее ярких глазах светился интерес.

— Анна! — вновь прокричал Джо и сдвинул котелок на затылок.

Наконец появилась Анна, хотя непохоже, что она спешила, повинуюсь зову Джозефа. Вид у нее был беспечный и невозмутимый. Одета в скромное платье, высокая, хорошо сложенная, с бледным смуглым лицом и большими темными бесстрастными глазами, она выглядела лет на тридцать. Этот скучающий, безразличный взгляд и чуть припухшие губы придавали лицу то ли надменное, то ли приветливое выражение, одновременно строптивное и неприязненное в своей двусмысленности.

— Так, значит, вы Анна. — Люси с улыбкой протянула ей руку. — Я рада... рада, что вы приехали.

— Спасибо, — приветливо сказала Анна.

У нее был тихий, на удивление проникновенный голос. Сама наружность Анны, если принять во внимание ее происхождение и окружение, доставила Люси неожиданное удовольствие. «Я полюблю ее, — вдруг подумала она. — Я рада, что пригласила ее».

— А мне не жаль избавиться от Анны, — вмешалась Полли, забавно встряхивая фиолетовыми страусовыми перьями

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ	5
КНИГА ВТОРАЯ	181
КНИГА ТРЕТЬЯ	489

Кронин А.

К 83 Три любви : роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. И. Иванченко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-13952-7

Люси Мур очень счастлива: у нее есть любимый и любящий муж, очаровательный сынишка, уютный дом, сверкающий чистотой. Ее оптимизм не знает границ, и она хочет осчастливить всех вокруг себя. Люси приглашает погостить Анну, кузину мужа, не подозревая, что в ее прошлом есть тайна, бросающая тень на все семейство Мур. С появлением этой женщины чистенький, такой правильный и упорядоченный мирок Люси начинает рассыпаться подобно карточному домику. Она ищет выход из двусмысленного положения и в своем лихорадочном стремлении сохранить дом и семью совершает непоправимый поступок, который приводит к страшной трагедии...

«Три любви» — еще один шедевр Кронины, написанный в великолепной повествовательной традиции романов «Замок Броуди», «Ключи Царства», «Древо Иуды».

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ТРИ ЛЮБВИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова

Подписано в печать 24.01.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

ISBN-22151-01-R